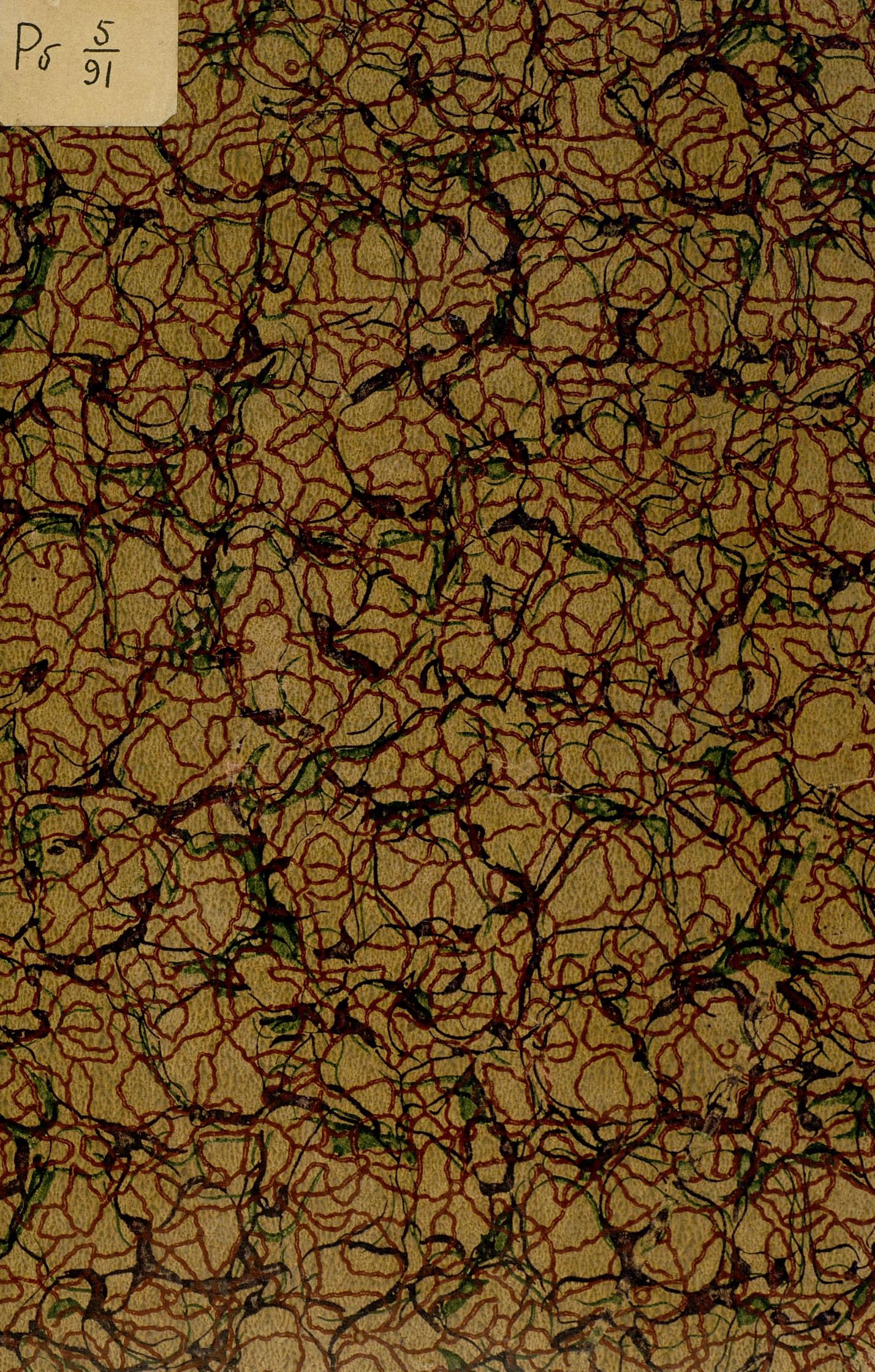

P₅ $\frac{5}{91}$

Р 5
91

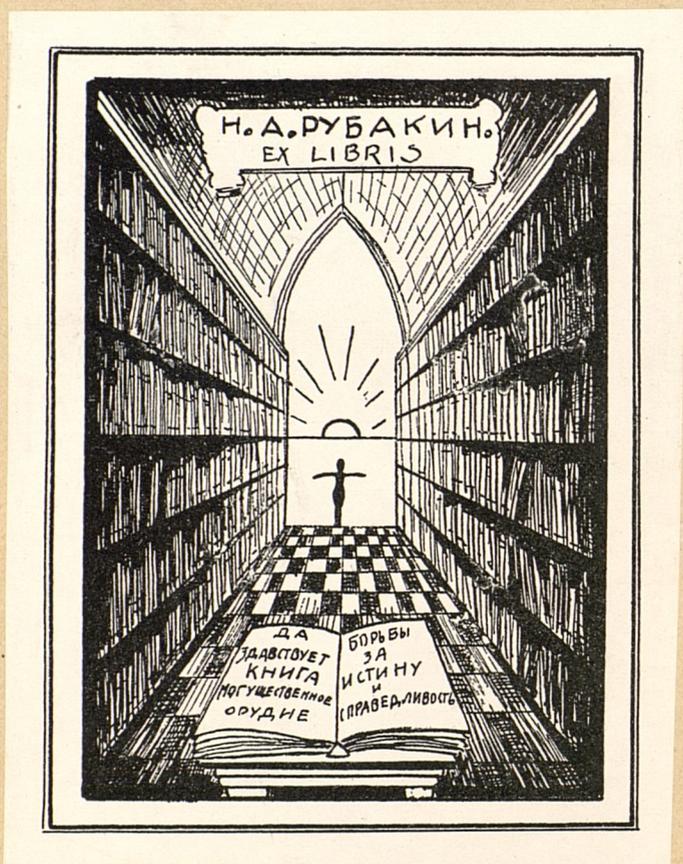
Русскія
народныя
Сказки и прибаутки.

Пересказанныя для дѣтей и иллюстрированныя

Е. Д. Польной.

складъ изданія у І. Кнебель

москва.

2007066841

- СОРОКА ВОРОНА.

- ПЛУТОВАТЫЙ МУЖИКЪ.

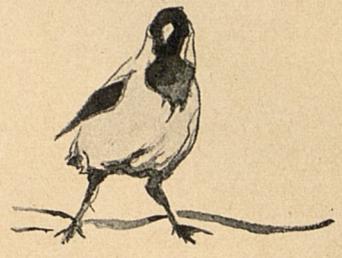
- КОЗЛИХИНА СЕМЬЯ.

- РЫЖІЙ И КРАСНЫЙ.

- ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ.

50281-48
Гос
БН. КОТЕНКО С. СР
ЛЕНИНА

Сорока-ворона

Кашку варила,
На крылечкѣ поскакнвала,
Гостей подманнвала

- Приходите гости, -

- Приходите дорогие. -

Гости приходили,
Хлѣбъ-соль хвалили.
Гостей она подчивала,

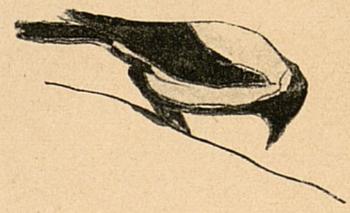
Дорогихъ угощала.

Кому дала платокъ,

Кому на ложку,

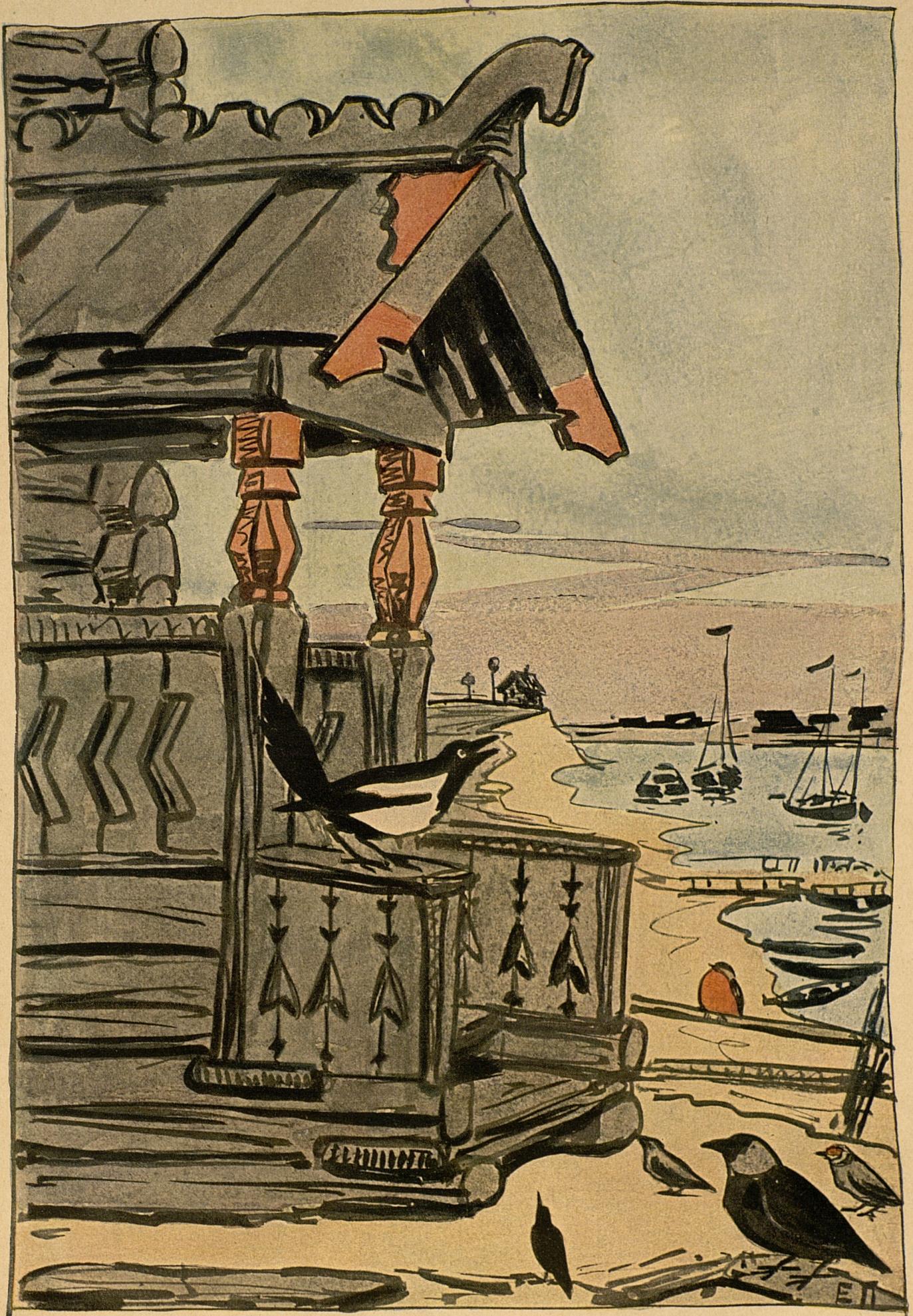
Кому черепокъ,

Кому масляничекъ,

- А ты, горюнокъ, -

- Оскребан котелокъ. -

Шла по дорогѣ Авдотья, встрѣтился ей прохожій и говоритъ: «Охъ ты, Доня, Доня, расхудая твоя доля! Выйдешь замужъ за рѣку, родится у тебя Лутона; онъ пойдетъ къ бабушкѣ и утонетъ». Побѣжала она домой, вошла въ избу, завѣла, заголосила. Сестра ей говоритъ: «О чемъ ты?» — «Встрѣтился мнѣ прохожій, сказалъ: охъ ты, Доня, Доня, расхудая твоя доля, выйдешь замужъ за рѣку, родится у тебя Лутона, пойдетъ къ бабушкѣ и утонетъ». Услыхала сестра, завѣла, заголосила. Пришелъ братъ. «О чемъ вы тутъ воете?» Разказала Авдотья про встрѣчу; услыхалъ братъ, тоже съ ними завѣлъ, заголосилъ. Пришелъ другой братъ, и тому о прохожемъ разказали и онъ съ ними завѣлъ, заголосилъ. Вотъ собрались они всѣ вчетверомъ въ избѣ и воютъ. Пришелъ третій братъ. «Съ чего вы тутъ развѣлись?» спрашиваетъ. «Да какъ же не плакать? Встрѣтился мнѣ прохожій и сказалъ: охъ ты, Доня, Доня, расхудая твоя доля, выйдешь замужъ за рѣку, родится у тебя Лутона, онъ пойдетъ къ бабушкѣ и утонетъ». — «Глупые вы всѣ!» говоритъ онъ; да долго не думалъ, вышелъ изъ избы, заперъ ихъ на запоръ и крикнулъ на прощанье: «Если хотъ одного дурака дурачье васъ найду, тогда я васъ отопру». Пошелъ искать дураковъ.

Идетъ, видитъ — изба стоитъ. Онъ вошелъ, а тамъ мужикъ коровѣ на шею веревку накрутилъ, въ потолокъ дыру прорубилъ, самъ влѣзъ на чердакъ и хочетъ корову туда тащить. «Что это ты вздумалъ?» спрашиваетъ онъ мужика. «У меня, — отвѣчаетъ тотъ, — клокъ травы на крѣшѣ выросъ, чтожъ добру зря пропадать: хочу, чтобы корова его сѣбла». — «Глупый ты человекъ! Ты бы траву-то скошилъ да корову накормилъ, — это какъ будто бы вѣшло покладнѣе». Пошелъ дальше.

Видитъ, хоромы богатія построены, всего много, должно бѣтъ, люди зажиточные живутъ. Подошелъ онъ къ калиткѣ, тамъ свинка бродитъ съ поросятками, изъ себя пѣгая. Онъ шапку снялъ, сталъ свинкѣ въ поясъ кланяться да приговаривать: «Свинюшка-пеструшка, моей матушкѣ сестра, а мнѣ тетюшка, заводится у меня бесѣдушка, иди ко мнѣ въ гости». Увидала изъ окошка хозяйка, какъ онъ свинкѣ кланяется, велѣла работницѣ спросить у мужика, что это означаетъ. Она пошла, говоритъ ему: «Что это ты, мужичокъ, нашей свинкѣ въ поясъ кланяешься?» Онъ отвѣчаетъ: «Свинка-пестра моей матушкѣ сестра, а мнѣ тетюшка, заводится у меня бесѣдушка, отпустите ее ко мнѣ въ гости». Приходитъ работница въ домъ; спрашиваетъ ее хозяйка, что мужикъ говоритъ. «Ужъ такое-то говоритъ, что стыдно сказать и грѣхъ повторить». — «Сказывай! все равно, я хочу знать». — «Да онъ говоритъ: свинка-пестра моей матушкѣ сестра, а мнѣ тетюшка; проситъ, чтобы свинку отпустить къ нему на бесѣдушку». — «Что же такое, — говоритъ хозяйка, — можетъ бѣтъ, и въ самомъ дѣлѣ свинка ему сродни; она у насъ купленная, не своего заводу, мы не знаемъ, какого она роду». Мужичокъ! — кличетъ хозяйка, — ты говоришь, тебѣ свинка тетюшкой доводится?» — «Да, — говоритъ мужичокъ, — свинка-пестра моей матушкѣ сестра, а мнѣ тетюшка. Заводится у меня бесѣдушка, отпустите ее ко мнѣ, да и дѣтокъ тоже». — «Дѣтки малы, уморятся пѣшія идти, — говоритъ хозяйка, — велите лошадку запречь, пусть мужичокъ нашу свинку съ семействомъ къ себѣ въ гости въ телѣгѣ везетъ». Запрягли лошадку.

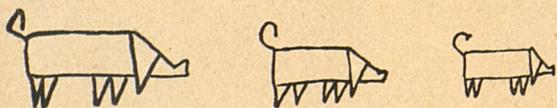

Мужичокъ забралъ свинью съ поросятами, уложилъ, увязалъ и уѣхалъ. Приѣзжаетъ изъ города хозяинъ; хозяйка встрѣчаетъ его такая веселая, радостная; рассказываетъ, какъ свинкѣ родня нашлась, какъ мужичокъ приходилъ, свинку на бесѣду къ себѣ отпустить просилъ, самъ такія слова говорилъ: свинка-пестра моей матушкѣ сестра, а мнѣ тетушка; заводится у меня бесѣдушка, отпустите ее ко мнѣ въ гости. Я отпустила и телѣгу дала, лошаdkу запречь велѣла, чтобы дѣтки, идучи, не уморились». — «Ахъ ты, глупая баба! Вотъ, не даромъ говорятъ: у бабѣ волосъ дологъ, да умъ коротокъ; можетъ ли бѣтъ, чтобы свинка крещеному роднею доводилась?!» Велѣлъ онъ скорѣе осѣдлатъ своего лучшаго коня и поскакалъ въ погоню.

А мужикъ ѣдетъ да оглядывается. Издали завидѣлъ верхового, въ лѣсѣ своротилъ, лошаdkу къ дереву привязалъ, самъ на дорогу вышелъ, назадъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ у перекрестка лужа была, въ шапку грязи набралъ, опрокинулъ на дорогу, сѣлъ и шапку руками держитъ. Пѣдетъ мимо верхомъ свинкинъ хозяинъ, до перекрестка доѣхалъ и не знаетъ, куда ему дальше ѣхать, прямо ли, или своротитъ, — и въ какую сторону. Видитъ мужика, остановилъ коня, спрашиваетъ: «Мужичокъ, не видалъ ли ты тутъ, не везъ ли кто свинки?» — «Какъ не видать, видалъ». — «А куда онъ поѣхалъ, въ какую сторону, не примѣтилъ ли?» — «И это примѣтилъ. Хочешь, догоню и къ тебѣ приведу?» — «Сдѣлай милость; онъ у моей хозяйки свинку выпросилъ и увезъ ее съ поросятками вмѣстѣ». — «Только вотъ какое дѣло: я тутъ соколиную матку въ шапку поймалъ; если ты согласенъ замѣсто меня ее покараулить, по! а я не вернусь, то я тебѣ мужика того приведу». — «Хорошо, я покараулю». — «Ну-ка, скинь свой кафтанъ да шапку, я ихъ надѣну, а то въ рваной одеждѣ никто мнѣ не повѣритъ, что я свинкинъ хозяинъ; да и коня мнѣ дай: пѣшему мнѣ не догнать того мужика». Слѣзъ хозяинъ съ коня, кафтанъ и шапку снялъ, сѣлъ на дорогу около мужиковой шапки. Мужикъ хороший кафтанъ и шапку надѣлъ, свой рваный сбросилъ, на коня вскочилъ и уѣхалъ.

А хозяинъ свинкинъ сидитъ, шапку руками придерживаетъ, дожидается, пока мужикъ вернется. Сидѣлъ, сидѣлъ — мужика все нѣтъ, надоѣло ему. Онъ потихоньку, бережно руку подъ шапку сунулъ, хотѣлъ птицу ощупать, да всю руку въ грязи и вымазалъ. Тутъ догадался онъ, что и его провелъ плутоватый мужикъ, что и онъ попался не хуже своей хозяйки. Плюнулъ съ досады и поплелся домой пѣшкомъ въ рваной мужиковой одеждѣ. А мужикъ доскакалъ до того мѣста, гдѣ телѣга была, лошаdkу отвязалъ, самъ въ телѣгу сѣлъ, коня сзади привязалъ и поѣхалъ домой.

Ушелъ онъ изъ дому пѣшкомъ въ лохмотьяхъ и съ пустыми руками, а назадъ вернулся въ телѣгѣ съ добромъ и богато разодѣтый. «Ну, — говоритъ, — видѣлъ я троихъ дураковъ еще васъ всѣхъ дурачѣ!» и на радостяхъ отперъ своихъ и выпустилъ изъ избѣ на волю.

Государственная
библиотека
им. В. И. Ленина

Жили-были козелъ да козлиха, былъ у нихъ свой домъ, хозяйство и всякаго добра много. Жили дружно, свито и весело. Было у нихъ семь дѣточекъ—козляточекъ: шесть здоровыхъ, крѣпкихъ, а седьмой похилѣе другихъ и кривой—однимъ глазомъ только глядѣлъ—зато онъ былъ всѣхъ хитрѣе, всѣхъ шустрѣе. Умеръ козелъ, а козлиха одна съ дѣтми осталась. Стала она горе горевать, какъ ей пищу добывать: нужно въ лѣсѣ идти за кормомъ, а дѣтей страшно однихъ оставить. Однако дѣлать нечего, собралась коза уходить, начала козляточекъ учить да уговаривать, чтобы безъ нея не баловались, а главное, чтобы дверь хорошенько заперли и никому чужому не отпирали, никого къ себѣ не впускали. Ушла коза въ лѣсѣ, весь день проходила корму насбирала, къ вечеру домой пришла, у дверей встала и заплѣла:

«Козлики-козляточки,
Голубчики-голубяточки,
Ваша мать къ вамъ пришла,

Молока, творога вамъ принесла.
Набиты рога творогомъ,
Налиты бока молокомъ».

Козляточки узнали ея голосъ и отворили дверь.

На другой день опять козлиха пошла въ лѣсѣ; уходя, снова наказала дѣтямъ запереться и не впускать никого. А медвѣдь подслушалъ, какъ козлиха у дверей плѣла, и заплѣлъ своимъ грубымъ голосомъ:

«Козлики-козляточки,
Голубчики-голубяточки,
Ваша мать къ вамъ пришла,

Молока, творога вамъ принесла.
Набиты рога творогомъ,
Налиты бока молокомъ,

отворите-ка дверь, пришла ваша мать». Козлятки повѣрили, побѣжали дверь отворять; да во-время ихъ кривой удержалъ. «Или вы, глупые, не смyslите, что это не нашей матери голосъ? У нашей матери голосъ тонкій, а этотъ вонъ какой грубый. Это медвѣдь насъ обманываетъ, онъ сбѣстъ насъ хочеть». Не стали отпирать козлятки, послушались кривого.

На другой день, когда мать опять ушла въ лѣсѣ, пришелъ медвѣдь и тонкимъ голосомъ заплѣлъ:

«Козлики-козляточки,
Голубчики-голубяточки,
Ваша мать къ вамъ пришла,

Молока, творога вамъ принесла.
Набиты рога творогомъ,
Налиты бока молокомъ».

Козлята опять обрадовались, повѣрили, что это ихъ мать, побѣжали дверь отпирать. А кривой кричитъ братьямъ: «Что вы, глупые, дѣлаете? Вѣдь это медвѣдь насъ обманываетъ. Давно ли наша мать ушла—рано ей домой возвращаться». А медвѣдь опять заплѣлъ пѣсню. Тогда не стали шесть козлятъ слушаться одного и отворили дверь. Кривой видитъ, что дѣло плохо, юркнулъ подъ печку. Медвѣдь вошелъ, всѣхъ шестерыхъ козлятокъ въ охапку захватилъ, седьмого не могъ изъ-подъ печки достать, но почувалъ, что еще одинъ остался. «Постой,—говоритъ,—я и тебя добуду; дай только этихъ припрячу». Вышелъ медвѣдь съ козлятами и потащилъ ихъ къ себѣ въ берлогу; а кривой козленокъ изъ-подъ печки вылезъ и подалъ за медвѣдемъ вслѣдъ все шелъ, узналъ, гдѣ у медвѣдя берлога, и потомъ поскорѣе домой побѣжалъ.

Тѣмъ временемъ козлиха возвратилась; видитъ—дверь отворена, изба пустая; догадалась, что случилось, и залилась слезами. Прибѣжала домой кривой козленокъ: «Не плачь,—говоритъ онъ матери,—нельзя на это время терять, сейчасъ медвѣдь назадъ общалъ придти, давай лучше яму копать будемъ». Стала мать колѣбками рыть яму, а сынокъ землю убирать, чтобы медвѣдь не замѣтилъ западни; и потомъ хворостомъ перекинули, сухимъ листомъ засыпали, сами спрятались за деревья. Пришелъ медвѣдь и бухъ въ яму. А козленокъ зналъ, гдѣ медвѣжьбя берлога, и повелъ туда мать. Побѣжала она во весь духъ. Пока медвѣдь изъ ямы выкарабкивался, козлиха всѣхъ своихъ дѣтокъ домой перетаскала, и стали они всѣ жить-поживать, добра наживать. Послѣ этого козлятки ужъ всегда слушались матери и умнаго брата.

Рыжій краснаго распрашивалъ,
Чѣмъ онъ бороду окрашивалъ.

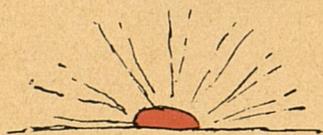
- Я ни краской, ни замазкой

- Бороды не украшалъ, -

Красный рыжему сказалъ,

- Я на солнышкѣ лежалъ,

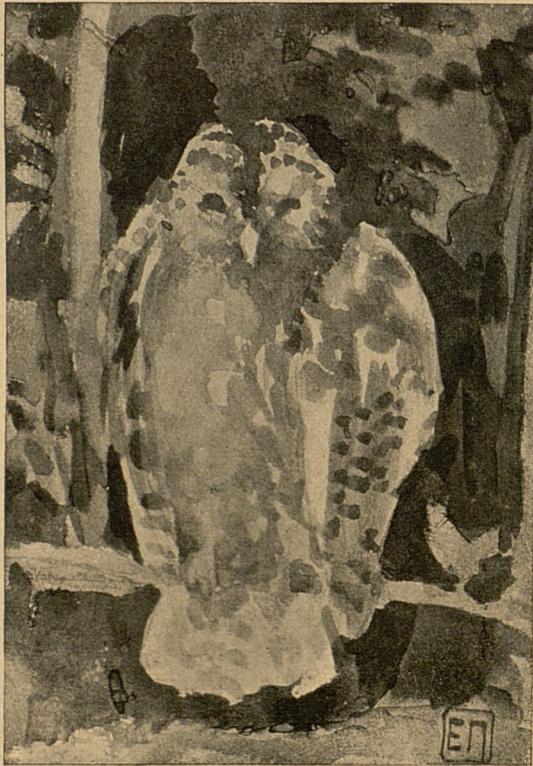
- Кверху бороду держалъ. -

„За тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ царствовалъ царь на царствѣ, государствовалъ государь на государствѣ, и были у этого царя палаты тақія, что ни вздумать, ни взгадать, только въ сказкѣ сказать. Кругомъ палатъ онъ насадилъ сады, а въ садахъ напрудилъ пруды, а въ прудахъ развелись қараси; во дворѣ росла береза, а на березѣ висѣла мочала—не сказать ли сказочку сначала?“—

10

2007066841